

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2025.93.12.015

Производство и глобальные цепочки создания стоимости сквозь призму эволюционной экономической географии

Губеладзе Дмитрий Валерьевич

Старший преподаватель,
Московский университет «Синергия»
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80Г;
e-mail: Knyaz-88@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается изменение географии производства и глобальных цепочек создания стоимости сквозь призму эволюционной экономической географии. Обоснована необходимость переосмысления пространственной организации производственных процессов в условиях фрагментации, институциональной нестабильности и усиления экологических ограничений. Показано, что динамика производственно-сбытовых сетей определяется как корпоративными стратегиями, так и взаимодействием накопленных знаний, компетенций и институциональных ресурсов территорий, а также глобальных шоков. Проанализированы ключевые вызовы производства и глобальных цепочек создания стоимости для регионов, связанные с рисками закрепления зависимых траекторий, неравномерного распределения функций в сетях и конкуренции за ресурсы. Выявлены перспективные направления исследований в области интеграции глобальных и локальных процессов, изменении логики адаптации территорий и формировании новых пространственных структур в мировой экономике.

Для цитирования в научных исследованиях

Губеладзе Д.В. Производство и глобальные цепочки создания стоимости сквозь призму эволюционной экономической географии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 5А. С. 183-195. DOI: 10.34670/AR.2025.93.12.015

Ключевые слова

Производство, эволюционная экономическая география, цепочки создания стоимости, глобализация, локализация, государство, природа.

Введение

Переосмысление производственной деятельности в пространственном измерении стало одним из ключевых вызовов для современной экономической географии. Возрастающая фрагментация процессов создания стоимости, фиксируемая в эмпирических исследованиях глобальных цепочек создания стоимости (англ. GVCs — global value chains; далее — GVCs), сопровождается ростом значимости территориальных структур, в которых осуществляется закрепление функций распределения, трансформации и координации материальных потоков. В условиях глобальных сбоев, вызванных геополитической дестабилизацией и технологическими сдвигами, сама логика пространственной организации производства отражает повышенную чувствительность к структурным характеристикам региональных экономик и уровню их включённости в транснациональные производственные сети [Куровский и др., 2024].

Отдельные научные исследования в рамках эволюционной экономической географии (англ. EEG — evolutionary economic geography; далее — EEG) поднимают вопрос о том, какие формы пространственной координации обеспечивают закрепление и воспроизводство производственных функций в рамках GVCs [Kalvelage, Tups, 2024]. В фокус попадает как распределение ролей между странами и регионами, так и то, каким образом исторически сложившиеся конфигурации промышленной специализации трансформируются под воздействием внешних и внутренних шоков. Внимание к взаимосвязи между накопленным опытом компаний и способностью к диверсификации показывают, что география производства не может быть сведена к «обычному» вопросу локализации или перемещения активов. Нет, она оказывается встроенной в многоуровневую систему взаимодействий, в рамках которой эволюционные траектории территориальных систем определяются как структурными ограничениями, так и возможностями институциональной адаптации.

В рамках текущей научной дискуссии особое значение приобретает понимание того, какие механизмы трансформации производственных структур закрепляются в GVCs в качестве новых норм функционирования. Изменения в глобальной производственной архитектуре затрагивают цепочки поставок и институциональную структуру их поддержки, что влечёт за собой необходимость анализа того, как меняется способность региональных экономик к воспроизводству конкурентных преимуществ в условиях высокой неопределённости современной экономики. Рассмотрение данных процессов сквозь призму EEG позволяет выявить связь между структурной сложностью цепочек создания стоимости и способами пространственной адаптации, которая формирует контуры будущих конфигураций глобального производства.

Результаты и обсуждение

Концептуальное оформление EEG стало реакцией на ограниченность объяснений, ориентированных на статическое понимание размещения производства и межрегионального неравенства. Появление этой исследовательской традиции связано с попыткой зафиксировать, как исторически формирующиеся пути развития регионов влияют на структуру занятости, отраслевую специализацию и инновационные траектории. Возникновение научного интереса к процессам накопления и трансформации территорий обозначило сдвиг от механистического объяснения размещения к аналитике динамических форм пространственной организации экономической деятельности.

В научных работах, представленных в рамках EEG, подчёркивается, что региональное развитие опирается на предыдущие этапы накопления знаний, социальных связей и производственных практик, формирующих институциональную «память» территорий, что предполагает интерпретацию экономического пространства как результирующего множества взаимодействующих траекторий, в котором важную роль играет понятийный аппарат, связанный с понятием «родственности» между видами деятельности [Jeannerat, 2024]. Связанность функций и отраслей в пределах региона рассматривается как механизм формирования способности к адаптации, что обуславливает возможность диверсификации на основе уже существующего набора компетенций.

Разработка новых аналитических инструментов в рамках EEG привела к переосмыслению роли знаний, кооперации и когнитивной близости в региональных трансформациях. Внимание к эндогенным механизмам закрепления производственных функций усилило интерес к изучению того, как пространственные конфигурации экономической деятельности модифицируются под действием внутренних факторов, а не исключительно внешнего спроса или институционального давления. Пространственное распределение инновационного потенциала оказалось связано с неоднородностью способности регионов к переходу между отраслями с различной технологической сложностью и институциональными требованиями.

Современный этап развития EEG характеризуется попытками выйти за пределы исключительно эндогенной логики. В научных исследованиях последних лет исследовательский фокус сдвигается в сторону объяснения того, каким образом транснациональные связи и глобальные процессы входят во взаимодействие с региональными эволюционными траекториями. Многообразие форм стратегического закрепления регионов в международных производственных структурах открывает возможность анализа ситуаций, в которых внешняя интеграция усиливает или, напротив, подрывает способность к дальнейшему развитию. Кроме того, возникает потребность в переосмыслении понятия «локальной связанности» в терминах её связи с глобальной архитектурой потоков капитала, знаний и институтов.

Одним из ключевых направлений обновления EEG стало включение понятийного аппарата, заимствованного из теории глобальных производственных сетей (англ. GPN — *global production networks*; далее — GPN). Это взаимодействие позволило расширить объяснительный потенциал EEG, в частности за счёт интеграции представлений о распределении власти, функции координации и политико-экономической обусловленности пространственных решений. В рамках этого синтеза складывается представление о региональной динамике как результирующей форме взаимодействия структурной инерции и экзогенных импульсов, приходящих из глобальных узлов производства и распределения.

Институциональное оформление EEG в современном виде сопровождается дискуссией о границах применимости данной теоретической рамки к условиям фрагментированного глобального пространства. Неравномерность развития, усиление геоэкономической неопределённости и рост количества разрывов в транснациональных цепочках побуждают к дальнейшему уточнению понятий, описывающих территориальные формы воспроизводства. В фокусе по-прежнему остаются вопросы, касающиеся того, каким образом взаимодействие между накопленными региональными ресурсами и глобальными изменениями влияет на формирование новых центров роста или, напротив, закрепляет состояния институциональной стагнации.

Таким образом, развитие EEG показывает, что первоначальное сосредоточение на

внутренних источниках территориальных изменений постепенно дополняется аналитикой глобальных производственных взаимосвязей. Наряду с этим развитие теорий GVCs обогатило понятийный инструментарий EEG, что позволило зафиксировать сложные формы взаимодействия между региональными возможностями и глобальной реструктуризацией экономики. Новая исследовательская повестка формируется вокруг вопросов пространственной чувствительности к экзогенным шокам, что придаёт особую значимость изучению механизмов адаптации и стратегической диверсификации региональных экономик (табл. 1).

Таблица 1 - Эволюция представлений в рамках EEG

Период	Основная характеристика	Ключевые изменения в подходе
Конец 1990-х — 2000-е гг.	Формирование базовых концептов EEG	Сосредоточение на эндогенных механизмах региональной эволюции; фокус на родственных видах деятельности и накоплении знаний
2010-е гг.	Интеграция глобальных процессов	Осмысление влияния глобальных производственных сетей GPNs на региональные траектории; признание роли внешних связей
Середина 2010-х — настоящее время	Сближение EEG и исследований GVCs	Появление анализа взаимодействия локальных и глобальных процессов; развитие концептов стратегического закрепления и территориальной реорганизации GVCs
2020-е гг. — настоящее время	Расширение рамок исследований в условиях многократных кризисов	Фокус на рисках, геополитической обусловленности производственных структур и трансформации роли региональных акторов в GVCs

Источник: составлено автором на основе [Boschma, 2024], [Boschma, 2022], [Коржаневский и др., 2024]

Ниже также представлена многоуровневая модель формирования ценности в экономической географии, в которой инновации рассматриваются в качестве процесса, связывающего её социальные и экономические измерения (рис. 1). На нижнем уровне отражены взаимодействия на рынке, когда происходят процессы экспериментов, стратегического соединения и разъединения акторов. На следующем уровне показано институциональное оформление ценности с учётом её активизации, коммерциализации и институционализации. Верхний уровень подчёркивает социальное и политическое признание ценности в обществе, что позволяет увязать локальные рыночные практики с глобальными изменениями в организации производства.

Рассмотрение глобальных производственных процессов сквозь призму EEG основывается на фундаментальной асимметрии в распределении возможностей между различными территориями. GVCs формируются в условиях, в которых исходные социальные, институциональные и экономические различия усиливаются под действием корпоративных стратегий организации производства. Углубление пространственной дифференциации связано с тем, что включение в GVCs не обеспечивает автоматического повышения уровня развития, а напротив, закрепляет существующие и формирует новые формы неравенства.

Сфокусированные на компаниях исследования, основанные на анализе структур управления в глобальных сетях, долгое время рассматривали включение компаний и территорий в производственные цепочки в качестве универсального пути к росту [Werner, 2019]. Однако более поздние работы указывают на ограниченность таких интерпретаций. Интеграция в GVCs нередко сопровождается рисками потери контроля над стратегическими сегментами цепочек создания стоимости, а также зависимостью от колебаний на глобальных рынках. В рамках

эволюционного подхода структуры сетевого взаимодействия формируют неравномерные траектории территориального развития, что проявляется в перманентной маргинализации одних регионов и укреплении доминирующего положения других [Коржаневский и др., 2024].

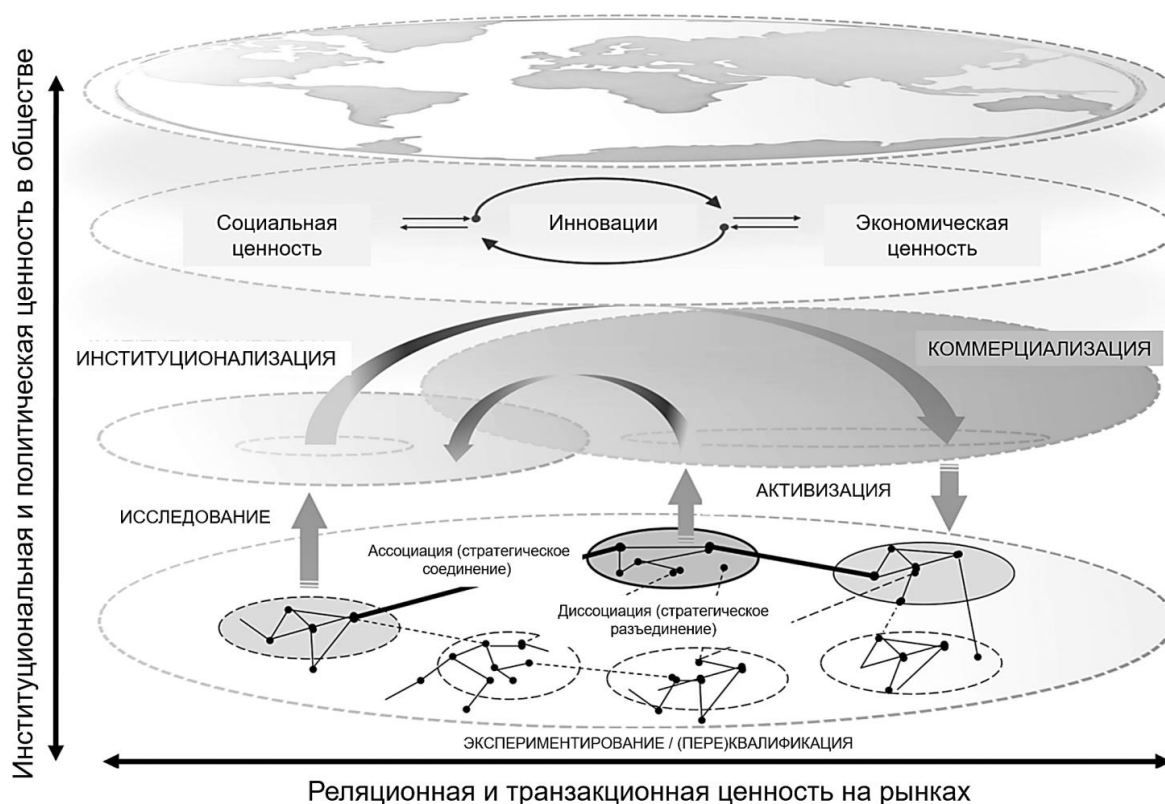

Рисунок 1 - Концептуализация процессов формирования ценности в экономической географии рынков и общества [Jeannerat, 2024]

Наиболее глубокое проявление асимметрий связано с распределением функций в рамках производственных сетей. Развитые экономики, контролирующие наукоёмкие и капиталоемкие этапы цепочек создания стоимости, извлекают наибольшую долю прибыли, в то время как менее развитые регионы вовлекаются в процессы с минимальной добавленной стоимостью. Такая структура закладывает воспроизводство неравномерности в долгосрочной перспективе, что приводит к необходимости анализа политико-экономических механизмов, стоящих за распределением функций и ресурсов в глобальном производственном пространстве. Взаимосвязь между корпоративной властью, локальными условиями и институциональными рамками определяет устойчивость неравномерных конфигураций.

Отдельное место также занимает проблема видимости и невидимости процессов деформации территориальных структур. Так, встраивание регионов в глобальные сети сопровождается и экономическим включением, и деформацией локальных трудовых режимов, разрушением экосистем и социальной стратификацией. При этом механизмы маскировки негативных последствий, включая стратегии корпоративной социальной ответственности и риторики устойчивого развития, работают на поддержание существующих дисбалансов. Исследования GPNs показывают, что включение территорий в глобальные потоки формирует новые формы зависимости, структурирующие развитие в интересах глобальных корпораций [Werner, 2019].

География глобального производства формируется в результате сложного взаимодействия процессов территориальной концентрации и территориального исключения. В одних регионах сосредотачиваются ресурсы, инфраструктура и кадры, тогда как другие подвергаются процессам деиндустриализации и утраты производственного потенциала. Важным элементом в этом смысле является способность отдельных регионов к мобилизации внутренних ресурсов и формированию новых связей в условиях внешних ограничений. Эволюционная перспектива позволяет выявить, что динамика включения и исключения зависит как от внешних факторов, так и от способности адаптации к институциональным условиям и трансформации за счёт инноваций на локальном уровне.

Современные процессы глобализации производства сопровождаются неравномерным распределением выгод и издержек между регионами и странами. Углубление этих различий связано с институциональными практиками, структурой собственности на ключевые активы и формами организации глобальных потоков капитала, труда и ресурсов. В условиях нарастающей геополитической напряжённости и кризисов становится всё более очевидной необходимость переосмысления теоретических оснований анализа неравномерного развития в рамках глобальных производственных сетей, что открывает новые направления для исследований в области ЕЕГ.

Формирование глобальных производственных сетей трудно представить вне институционального участия государства, которое встраивается в процессы трансформации пространственной организации производства. Так, изначальная трактовка роли государства как пассивного проводника интересов транснационального капитала постепенно подвергается критике. Современные научные исследования показывают, что действия государства направлены как на создание условий для включения в GVCs, так и на целенаправленное формирование новых конфигураций пространства, в которых регулируется доступ к ресурсам, распределяются риски и создаются механизмы контроля над производственными потоками [Werner, 2021].

Изменение понимания роли государства связано с признанием того, что механизмы регулирования оказывают непосредственное влияние на структуру и динамику глобальных производственных сетей. Государства действуют как активные участники, формирующие институциональные рамки торговли, инвестиций и промышленной политики. При этом регулирование может носить как стимулирующий, так и ограничительный характер, что определяет условия функционирования GVCs на различных уровнях пространственной организации. Возникновение новых форм государственного вмешательства отражает усложнение задач, стоящих перед национальными экономиками в условиях глобальной турбулентности.

Наряду с ролью проводника и регулятора, государство проявляет активность в функциях прямого производителя и заказчика [Werner, 2021]. Развитие государственного предпринимательства, особенно в таких стратегически значимых отраслях, как энергетика, инфраструктура и высокотехнологичные производства, приводит к появлению новых узлов в сетевой структуре глобальной экономики. За счёт механизмов государственных закупок обеспечивается поддержка определённых отраслей и территорий, которая встраивает государственные интересы в процессы перераспределения добавленной стоимости внутри и между регионами. Подобные формы участия государства способствуют изменению конфигурации GPNs посредством целенаправленного управления потоками капитала, ресурсов и технологий.

Анализ взаимодействия государства и производственных сетей предполагает отход от упрощённых моделей, в которых государство рассматривается в качестве внешнего по отношению к рынку актора. В настоящее время совершенно очевидно, что государства и рынки не существуют независимо друг от друга, так как, по сути, они формируются и воспроизводятся в ходе одних и тех же процессов, что позволяет объяснить, почему государственные стратегии встраиваются в структуру GVCs. Интеграция отражает интересы отдельных корпоративных акторов, а также борьбу за перераспределение власти и ресурсов на различных уровнях глобальной экономики.

Также значение приобретают процессы, в которых государственные практики и способствуют развитию глобальной интеграции, и ограничивают её в определённых сферах. Роль государства как арбитра между различными интересами проявляется в области регулирования труда, охраны окружающей среды, контроля за потоками капитала и защиты стратегических отраслей. Характерной чертой современного этапа развития глобального производства становится формирование гибридных режимов управления, сочетающих в себе элементы координации рынка и государственного регулирования.

Таким образом, современное понимание географии производства включает в себя сложные и многослойные формы взаимодействия государства с глобальными производственными сетями. Изучение этих процессов сквозь призму EEG позволяет выявить роль институциональных рамок в формировании пространственных структур, а также механизмы адаптации и трансформации, определяющие устойчивость региональных и национальных экономик в условиях глобальных изменений.

В рамках понимания пространственной организации глобального производства целесообразно учитывать и то, какую роль играет природа в процессах создания стоимости. Так, ранние научные исследования в рамках GVCs и GPNs исходили из предпосылки о самостоятельности социальных процессов по отношению к природе, природа рассматривалась лишь как фон для экономической деятельности [Werner, 2022]. Однако более глубокий анализ показывает, что природа не существует отдельно от процессов производства, ведь она становится неотъемлемой частью функциональной координации пространственно распределённых сетей. Производственные процессы организуют «метаболизм» природы, они встраивают её в логику создания стоимости.

Развитие политической экологии и географии природы и общества внесло в повестку исследований понимание природы как активного элемента экономических сетей. Природа оказывается как ресурсом, который используется в производстве, так и пространством, которое структурируется в результате многочисленных экономических практик. Формирование новых производственных узлов происходит за счёт освоения природных ресурсов, что приводит к созданию новых территориальных связей и искажению существующих экосистем, в результате чего возникают сложные формы метаболизма природы и производства, когда материальные потоки буквально переплетаются с трансформацией социальной и экологической среды [Werner, 2022].

Дальнейшее углубление связей между природой и производственными сетями проявляется в разделении стратегий экстенсивного и интенсивного освоения. Экстенсивные стратегии связаны с территориальным расширением зон добычи ресурсов, когда производственные процессы строятся на освоении новых природных территорий. Интенсивные стратегии отражают технологическое усиление производственного процесса, в котором природа не просто используется, а перерабатывается в новых формах для максимизации извлечения стоимости. В

частности, ярким примером того, что использование природы становится внутренним механизмом перепроизводства в рамках GPNs, является добыча минеральных ресурсов и развития агробизнеса на основе химических технологий.

Функционирование глобальных производственных сетей приводит к тому, что природа становится объектом как экономической эксплуатации, так и институционального регулирования. Создание норм экологического регулирования, маркировка «этичности» цепочек поставок и корпоративные программы устойчивого развития (ESG-повестка) формируют новые каналы контроля за природными ресурсами. При этом важно отметить, что такие механизмы не устраняют асимметрии в доступе к природе, а напротив, закрепляют неравенство, обеспечивают привилегированный доступ к ресурсам для ограниченного круга акторов. Сегодня экологическое измерение GPNs становится ареной борьбы за перераспределение материальных и символических выгод [Gong et al., 2022].

Формирование институтов регулирования отношений между производственными сетями и природными ресурсами ведут к формированию новых типов организации пространств, когда ресурсы перераспределяются на глобальном уровне в интересах капитала. Формирование новых зон товарного освоения, создание новых зон сырьевой добычи и перестройка агроэкологических систем сопровождаются изменением социальной структуры регионов. Природа оказывается встроенной в процессы глобальной экономической интеграции, что приводит к усилению территориальных разрывов и закреплению социально-экологического неравенства.

Современные научные исследования показывают, что анализ природы как части производственных сетей открывает новые перспективы для понимания пространственной динамики глобальной экономики [Куровский, Мишин, Толоконникова, 2025]. Институциональное освоение природы, технологическая трансформация биофизических процессов и политико-экономическая борьба за контроль над ресурсами — всё это формирует сложные системы взаимодействия, в рамках которых границы между экономикой и экологией стираются. EEG встраивает эти процессы в логику изучения пространственных изменений, фиксирует природу в качестве активного элемента глобальных производственных систем.

Изучение GPNs в рамках EEG основывается на признании того, что пространственные изменения определяются как внешними воздействиями, так и внутренними ресурсами, способами их трансформации и особенностями институционального оформления. Прежние подходы, сосредоточенные на линейной трактовке включения регионов в GVCs, оказались недостаточными для объяснения неравномерной динамики развития. Эволюционный взгляд базируется на процессах локального накопления ресурсов и их использовании в новых траекториях, отражающих как исторические условия, так и глобальные вызовы.

Одной из центральных тем в развитии эволюционного подхода является понимание того, что регионы обладают различной способностью к адаптации в рамках глобальных производственных сетей. Способность переходить от одной формы специализации к другой зависит от плотности существующих связей, институциональной среды и накопленных производственных компетенций. В этом контексте большое значение приобретает понятие родственной диверсификации, предполагающее опору на уже существующие отраслевые и технологические возможности при формировании новых направлений развития.

Глобальные производственные сети формируют и новые возможности для регионов, и риски закрепления зависимых форм включённости в GVCs. Эволюционный подход позволяет рассматривать региональное развитие как долгосрочный процесс изменения структуры связей, отражающий внутренние особенности территорий. Значение приобретают не внешние связи

сами по себе, а то, каким образом они взаимодействуют с накопленной институциональной базой и структурой существующих экономических отношений.

В рамках современного анализа подчёркивается, что траектории регионального развития формируются под воздействием неоднородных и противоречивых процессов глобализации. Важно то, что включение в GVCs не приводит к устранению различий между регионами, а напротив, обостряет конкуренцию за ресурсы, инвестиции и рынки сбыта. Конфигурации производственных сетей отражают борьбу между стремлением к территориальной концентрации производственных функций и необходимостью распределения рисков за счёт пространственного расширения. Эволюционный подход позволяет фиксировать, как исторически сложившиеся особенности территории влияют на её роль в глобальной системе разделения труда.

Взаимодействие регионов с глобальными цепочками формирует условия, при которых внутренние институциональные изменения становятся неотъемлемой частью процессов воспроизводства конкурентоспособности. Государственные стратегии, действия корпораций и инициативы локальных акторов переплетаются в сложные конфигурации, определяющие характер участия регионов в глобальных сетях. Эволюционная перспектива подчеркивает необходимость анализа как структурных изменений, так и тех микропроцессов, посредством которых формируется способность к адаптации, диверсификации и инновационному обновлению.

В результате формируется понимание регионального развития как открытого и исторически обусловленного процесса, в котором глобальные цепочки создания стоимости служат средой для трансформации существующих социально-экономических структур. Эволюционный подход расширяет аналитические горизонты исследования глобального производства, что позволяет учитывать внешние шоки, институциональные реформы и глубокие, долгосрочные изменения в способах организации экономической деятельности.

В настоящее время наблюдается трансформация глобальных производственных систем, которая сопровождается изменением пространственной структуры производственно-сбытовых цепочек. При этом реконфигурации глобальных производственных сетей и GVCs способствуют различным факторам в рамках фундаментальной логики капитализма (рис. 2).

Усиление геополитической напряжённости, рост неопределённости на мировых рынках и нарастающие риски сбоев в логистике способствуют тому, что современные компании пересматривают модели размещения производства и координации поставок. Вместо прежнего стремления к максимальной экономии за счёт глобального распределения функций возрастает значимость факторов надёжности, территориальной близости и предсказуемости политической обстановки. В результате наблюдается смещение акцентов в организации производственных сетей: от сложных протяжённых конфигураций — к более компактным и регионально ориентированным формам пространственной интеграции. Изменение логики построения производственно-сбытовых цепочек отражает более глубокие процессы, связанные с пересмотром стратегий взаимодействия между центрами и перифериями в глобальной экономике. Так, ключевыми узлами в новых конфигурациях сетей становятся регионы, обладающие развитой инфраструктурой, институциональной стабильностью и возможностями локализации высокотехнологичных этапов производства. Вместе с тем усиливается фрагментация мирового пространства, что проявляется в возрастании числа региональных производственных платформ, ориентированных на обслуживание ближайших рынков. География глобального производства становится более многополярной, а пространственные

траектории развития регионов всё в большей степени определяются способностью встроиться в новые формирующиеся зоны создания стоимости [Куровский, Мишин, Толоконникова, 2025].

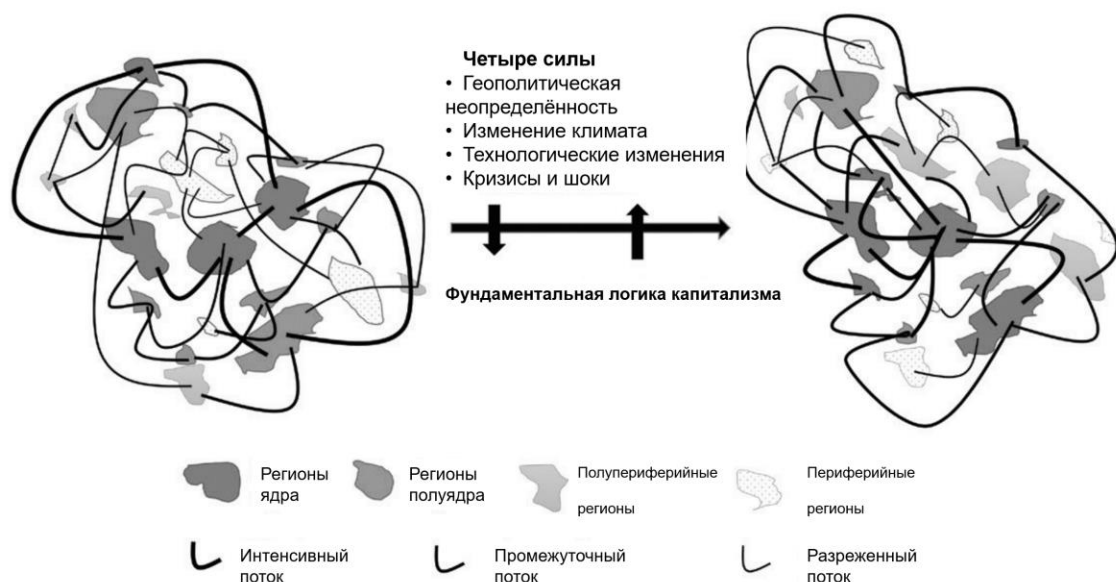

Рисунок 2 - Факторы, способствующие реконфигурации глобальных производственных сетей и GVCs [Gong et al., 202]

Современные изменения в глобальной экономике создают комплекс серьёзных вызовов для функционирования производственных систем и конфигурации GVCs. Геополитическая напряжённость, рост протекционизма и нестабильность торговых режимов усиливают непредсказуемость условий производства и распределения добавленной стоимости. В ответ на эти изменения транснациональные корпорации активно пересматривают стратегии пространственной организации цепочек поставок, что приводит к изменению традиционных маршрутов товарных потоков и к повышению роли региональных и локальных производственных узлов.

Одной из серьёзных проблем становится обострение неравномерности в доступе к ресурсам и технологиям, которая проявляется в усилении конкуренции между регионами за включение в наиболее прибыльные сегменты GVCs. Укрепление закрытых торгово-производственных блоков усиливает процесс фрагментации глобального пространства и ограничивает возможности для включения менее развитых территорий в высокодоходные отрасли. В этих условиях возрастает значимость факторов институциональной надёжности, локализации компетенций и устойчивого инфраструктурного обеспечения, что приводит к перераспределению преимуществ в пользу тех регионов, которые способны адаптироваться к новой логике глобальной экономической интеграции. Важными вызовами также являются и внутренние изменения в самой природе производства, связанные с необходимостью учитывать ESG-последствия индустриализации. Так, производственные сети всё чаще сталкиваются с необходимостью интеграции принципов «ответственного производства», что существенно меняет требования к организации цепочек создания стоимости и к пространственной структуре размещения производственных узлов. Новая реальность предполагает, что способность регионов к успешному включению в GVCs будет зависеть как от экономических факторов, так и от способности встроить ESG-требования в механизмы развития.

В связи с этим в настоящее время необходимым является переосмысление теоретических рамок анализа GVCs. Основой для формирования обновлённой исследовательской повестки становится взаимодействие глобальных и локальных процессов в духе глокализации, политико-экономическая обусловленность пространственных решений и изменяющиеся институты. Также внимание целесообразно уделить тому, каким образом траектории эволюции регионов сочетаются с трансформациями глобальных цепочек создания стоимости в условиях постоянных шоков. В перспективе важным направлением научных исследований является изучение механизмов адаптации региональных экономик к новым форматам пространственной организации производства. Анализ того, как внутренние особенности территорий (накопленные компетенции, институциональная структура, социальные связи и др.) определяют способность к перестройке в новых условиях, позволяет углубить понимание устойчивости (защищённости) регионов в рамках глобальных изменений. Смещение фокуса с описания структуры сетей на изучение динамики их изменения также открывает новые горизонты для интеграции знаний о глобальной экономике и региональной эволюции. Исследовательскую ценность имеет и анализ тех процессов, которые формируют новые формы пространственной концентрации и рассредоточения производства. Возрастающая роль политико-экономических факторов, изменение приоритетов корпоративных стратегий и развитие технологий диктуют необходимость создания новых теоретических моделей, способных объяснить неоднородность и изменчивость глобальной производственной географии. Необходимым условием для адекватного осмысления современных процессов глобального производства становится встраивание вопросов экологии, социальной справедливости и политической власти в изучение GVCs.

Заключение

Анализ трансформации глобального производства сквозь призму EEG показывает, что современные пространственные структуры формируются под воздействием сложного переплетения локальных и глобальных изменений. Региональные различия в возможностях адаптации приобретают значимость в условиях нестабильности GVCs, поскольку именно они определяют характер включённости территорий в мировую экономику. Природа изменений производственных сетей отражает экономические, социальные, политические и экологические процессы, в связи с чем требуется междисциплинарный подход к их изучению. Эволюционный анализ позволяет зафиксировать, что устойчивость регионов и их способность к трансформации зависят от накопленных институциональных практик и гибкости производственных структур. Интеграция природных ресурсов в процессы глобальной интеграции и усиливает социально-экономическое неравенство, и открывает новые траектории пространственного развития. Понимание этих процессов служит основой для переосмысления стратегий развития территорий в условиях нарастающих глобальных изменений.

Библиография

1. Куровский С. В., Мишин Д. А., Шугаев М. О., Горошко М. Г. Будущее международных инвестиционных проектов: глобальные перспективы и стратегии устойчивого роста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2024. — № 12. — С. 51-56.
2. Kalvelage L., Tups G. Friendshoring in global production networks: state-orchestrated coupling amid geopolitical uncertainty // ZFW—Advances in Economic Geography. — 2024. — Vol. 68. — No. 3-4. — P. 151-166.
3. Jeannerat H. Let's innovate! but for what value (s)? Towards an economic geography of valuation in markets and society

- // Progress in Economic Geography. — 2024. — Vol. 2. — No. 2. — P. 1-6.
4. Boschma R. An evolutionary approach to regional studies on global value chains // Regional Studies. — 2024. — Vol. 58. — No. 7. — P. 1492-1500.
 5. Boschma R. Global value chains from an evolutionary economic geography perspective: a research agenda // Area Development and Policy. — 2022. — Vol. 7. — No. 2. — P. 123-146.
 6. Коржаневский А.В., Куровский С.В., Мишин Д.А., Бурдик В., Козлова О.Л. Способы осуществления инвестиционной деятельности в сфере электроэнергетики // В сборнике: Вопросы управления и экономики: современное состояние актуальных проблем. сборник статей по материалам LXXXVII международной научно-практической конференции. — Москва. — 2024. — С. 32-38.
 7. Werner M. Geographies of production I: global production and uneven development // Progress in Human Geography. — 2019. — Vol. 43. — No. 5. — P. 948-958.
 8. Werner M. Geographies of production II: Thinking through the state // Progress in human Geography. — 2021. — Vol. 45. — No. 1. — P. 178-189.
 9. Werner M. Geographies of production III: Global production in/through nature // Progress in Human Geography. — 2022. — Vol. 46. — No. 1. — P. 234-244.
 10. Gong H. et al. Globalisation in reverse? Reconfiguring the geographies of value chains and production networks // Cambridge journal of regions, economy and society. — 2022. — Vol. 15. — No. 2. — P. 165-181.
 11. Куровский С. В., Мишин Д. А., Толоконникова Е. В. Перспективные направления внешнеэкономических связей РФ и Ирана в условиях новой экономической реальности // Инновации и инвестиции. — 2025. — № 2. — С. 85-89.

Production and Global Value Chains through the Lens of Evolutionary Economic Geography

Dmitrii V. Gubeladze

Senior Lecturer,
Synergy University,
125190, 80G Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Knyaz-88@yandex.ru

Abstract

The article examines changes in the geography of production and global value chains through the lens of evolutionary economic geography. The need to rethink the spatial organization of production processes in the context of fragmentation, institutional instability, and increasing environmental constraints is substantiated. It is shown that the dynamics of production and distribution networks are determined both by corporate strategies and by the interaction of accumulated knowledge, competencies, and institutional resources of territories, as well as global shocks. The key challenges of production and global value chains for regions are analyzed, including the risks of reinforcing dependent trajectories, uneven distribution of functions in networks, and competition for resources. Promising research directions in the field of integrating global and local processes, changing the logic of territorial adaptation, and forming new spatial structures in the global economy are identified.

For citation

Gubeladze D.V. (2025) *Proizvodstvo i global'nyye tsepochki sozdaniya stoimosti skvoz' prizmu evolyutsionnoy ekonomicheskoy geografii* [Production and Global Value Chains through the Lens of Evolutionary Economic Geography]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (5A), pp. 183-195. DOI: 10.34670/AR.2025.93.12.015

Gubeladze D.V.

Keywords

Production, evolutionary economic geography, value chains, globalization, localization, state, nature.

References

1. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Shugaev M. O., Goroshko M. G. The future of international investment projects: global prospects and strategies for sustainable growth // *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law*. — 2024. — No. 12. — P. 51-56.
2. Kalvelage L., Tups G. Friendshoring in global production networks: state-orchestrated coupling amid geopolitical uncertainty // *ZFW—Advances in Economic Geography*. — 2024. — Vol. 68. — No. 3-4. — P. 151-166.
3. Jeannerat H. Let's innovate! but for what value (s)? Towards an economic geography of valuation in markets and society // *Progress in Economic Geography*. — 2024. — Vol. 2. — No. 2. — P. 1-6.
4. Boschma R. An evolutionary approach to regional studies on global value chains // *Regional Studies*. — 2024. — Vol. 58. — No. 7. — P. 1492-1500.
5. Boschma R. Global value chains from an evolutionary economic geography perspective: a research agenda // *Area Development and Policy*. — 2022. — Vol. 7. — No. 2. — P. 123-146.
6. Korzhanevsky A.V., Kurovsky S.V., Mishin D.A., Burdik V., Kozlova O.L. Ways of implementing investment activities in the field of electric power industry // In the collection: *Issues of management and economics: the current state of current problems. collection of articles based on the materials of the XXXXXVII international scientific and practical conference. Moscow*. — 2024. — P. 32-38.
7. Werner M. Geographies of production I: global production and uneven development // *Progress in Human Geography*. — 2019. — Vol. 43. — No. 5. — P. 948-958.
8. Werner M. Geographies of production II: Thinking through the state // *Progress in human Geography*. — 2021. — Vol. 45. — No. 1. — P. 178-189.
9. Werner M. Geographies of production III: Global production in/through nature // *Progress in Human Geography*. — 2022. — Vol. 46. — No. 1. — P. 234-244.
10. Gong H. et al. Globalisation in reverse? Reconfiguring the geographies of value chains and production networks // *Cambridge journal of regions, economy and society*. — 2022. — Vol. 15. No. 2. pp. 165-181.
11. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Tolokonnikova E. V. Promising areas of foreign economic relations between the Russian Federation and Iran in the context of the new economic reality // *Innovations and investments*. — 2025. — No. 2. — P. 85-89.